

Юлия Сарана

ГЛАШИНА ДОЛЯ

Темная сторона бессознательного

Юлия Сарана

**Глашина доля. Темная
сторона бессознательного**

«Издательские решения»

Сарана Ю.

Глашина доля. Темная сторона бессознательного / Ю. Сарана —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675565-9

Что происходит, когда сон становится реальностью? Юлия Сарана, автор и специалист по толкованию сновидений, исследует эту грань в своей новой мистической сказке. После смерти матери юная Глаша попадает в избу к старой ведьме. Но что скрывается за гостеприимством старухи и какую цену придется заплатить? «Глашина доля» — это история о взрослении, принятии себя и столкновении с темными сторонами подсознания. Откройте для себя мир, где каждый символ имеет значение, а один сон может изменить судьбу.

ISBN 978-5-00-675565-9

© Сарана Ю.
© Издательские решения

Содержание

посвящается моей дочери	6
Глашина доля	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глашина доля Темная сторона бессознательного

Юлия Сарана

© Юлия Сарана, 2025

ISBN 978-5-0067-5565-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

посвящается моей дочери

•

Глашина доля

Автор Юлия Сарана

Зимний холодный вечер. Покосившаяся изба черным пятном виднеется среди белоснежных сугробов. В маленьком окошке пляшет неровный свет лучины*, причудливыми тенями ложится на сгорбленную темную фигуру. Дряхлая старуха, чье лицо изрезано морщинами, как старая кора дерева, сидя на низенькой деревянной лавчонке, прядет пряжу*. Застиранный шерстяной платок накинут на узкие плечи. Ее узловатые, скрюченные пальцы покрыты мозолями, а длинные кривые ногти пожелтели от времени. Нить, на удивление, получается тонкой и крепкой. Равномерный скрип старой прялки* – убаюкивает маленькую девчушку. Светловолосой малышке не больше пяти лет. На ее еще по-детски пухленьких щечках виднеются ямочки. Когда она улыбается, кажется, что в избе становится светлее.

Последнее время девочка улыбалась редко. Ее мама умерла от сухотки*, перед этим долго и тяжело болела. Старуха приходилась девочке дальней родственницей, поэтому и приютила ее, из жалости. Но и тут люди говаривали, что не повезло девчонке. Лучше бы и вовсе сгинуть вместе с матерью, чем попасть в услужение старой Ведьме. По всей округе старуху давно иначе как Ягой никто не звал.

Жила она на краю села, почти у самой кромки леса. Избушка ее темная и ветхая, покосившаяся на один бок, не понятно по каким законам природы еще стояла. С одного боку крыша упиралась прямехонько в земляной вал. Почти сразу за небольшим клочком земли, огороженным густым частоколом, начиналось топкое вязкое болото. Опасное и таинственное, с тяжелым удушливым туманом, наводящим морок на любого, кто заплутает там, с тайными тропами диких зверей и множеством незнакомых ягод и грибов. Но сейчас оно замерзло и было укрыто толстым снежным покрывалом.

Печь, на которой лежала девочка, была теплой. Малышка время от времени осторожно переворачивалась с одного бока на другой, поджимая под себя ноги. Бабка вручила ей грубые толстые носки, которые явно были не по размеру и такую же большую знавшую лучшие времена безрукавку из козьего меха. Глаша – так звали девочку, странно смотрелась в этом, не по размеру, наряде. Но ее это нисколько не заботило.

Старуха кормила девчушку два раза в день. С утра давала полбу* с сухарями и укрепляющий травяной настой. Насыщенный душистый отвар пах летом и луговыми травами: мятой, ромашкой, душицей... Во второй половине дня – отварную картофелину «в мундире». Большую, горячую. Глаша жадно откусывала картошку, обжигая пальцы, и блаженно прикрывала глаза. Хлеб, который пекла старуха, был пышным, белым. Ситный* хлеб сильно отличался от того, что обычно ели они с матушкой: ржаной или отрубной. Иногда вечером девочке попадала кружка кислого козьего молока с краюхой* хлеба или сладкими сухариками. Но больше всего девочке нравились балабушки*.

У старухи был большой крючковатый нос с огромной бородавкой, поэтому, когда она пила из своей щербатой кружки, казалось, что пьет она прямо носом. Из бородавки торчал седой, очень длинный жесткий волос. Девочка сильно испугалась, когда увидела старуху впервые, но постепенно она привыкла и к ее внешности, и к скрипучему каркающему голосу. Ведьма малышку не обижала. Не била, голодом не морила, и девочка была ей за это благодарна.

В прежние времена, Глаша старалась хоть чем-то помочь матушке по-хозяйству. Да что ж может сделать девочка ее возраста? Вот и теперь, живя в этой странной избе, в которой было много диковинных предметов, предназначения которых она не понимала, Глаша хотела быть полезной. Она подметала истертый пол метлой, такой же старой и косматой, как и ее хозяйка.

Складывала поленья*, принесенные со двора и сброшенные старухой с худых костлявых плеч, неаккуратной кучей прямо на пороге. Девочка переносила их по одному поближе к теплушке*. Подкидывала поленья в печь, когда те прогорали.

Когда хозяйка возвращалась из заснеженного леса, запуская в избу клубящийся морозный воздух, Глаша бросалась ей навстречу, стаскивала с худых, заочевевших ног валенцы* и ставила их поближе к печи, чтоб просохли. Бабка носила множество разноцветных юбок с оборками и карманами, поддевая одну под другую. Одна нога старухи особенно пугала девочку. Она иссохла до такой степени, что походила больше на костяную. Так, постепенно привыкая к новому месту, Глаша отъедалась и отсыпалась.

С Ведьмой жил старый черный кот. Он был очень большой с длинными белыми усами. На шее у него красовалась толстая цепочка, на которой поблескивал камушек причудливой формы. Но рассмотреть, этот странно манящий амулет* Глаша не могла. Кот был неласковый и гладить себя не позволял. На девчонку он смотрел с недовольным презрительным прищуром, как будто говоря: «Зачем нам нужна эта оборванка? Пользы от нее никакой, одним словом дармоедка*». Утробно рычал и нервно бил хвостом при попытке подойти к нему ближе. Яроцап, так величала кота старуха, шипел и скалился, показывая свои острые клыки, и девочка прекратила попытки подружиться с ним.

Хоть бабка и кормила сироту не в пример ее голодному детству, все же сильно не баловала. В подполе*, пахнущем сырой землей и грибами, стояла кадушка с квашеной капустой, придавленной тяжелым плоским камнем, а рядом – банка с хрустящими солеными огурчиками, покрытыми мелкими пупырышками. Сушеные грибы свисали длинными низками* с притолоки*. Окорок свиной, завернутый в промасленную ткань – пропитанную запахом копченого мяса, лежал на полке, вытесанной из толстых досок. Лук и чеснок хранились в дерюжных* мешках, подвешенных на дубовых балках*. Свекла и морковь аккуратными рядочками лежали в грубо сколоченных ящиках, пересыпанные песком. Дом изнутри казался намного крепче и больше, чем снаружи. Не иначе, как был зачарован от посторонних глаз.

По весне, когда просыхала дорога, бывало заходили деревенские бабы. Они о чем-то шушукались со старухой, та в ответ каркала своим скрипучим голосом, ухмылялась, а иногда и нечистого поминала. Давала им в бутылках настойки разные, да мази. Бабы приносили в знак благодарности разносолы, да сладости. Как-то Глаше довелось попробовать настоящий сахарный леденец на палочке. Он показался таким вкусным, что и слов не знала девочка, чтобы описать, с чем сравнить могла бы.

Иногда бабка доставала старый заскорузлый шмат* сала, отрезала от него жирный ломоть* и протягивала девочке. Глаша первый раз смотрела с опаской. Съедобно ли наверняка не могла сказать, она такого раньше не ела. Ноставляла старуха деликатесы не часто, только по большим и непонятным для Глаши праздникам.

В избе не было ни образов*, ни лампадки*. Только паутина и пучки трав по углам под самым потолком и куча разных склянок на полках. Одной только старухе понятные приметы, заставляли с раннего утра долго всматриваться в небо и начинать приготовления разных яств*. После обеда всякий раз погода портилась, протяжно завывал ветер в кронах вековых сосен, и к ночи струи дождя хлестали так, что в полуметре не было видать ни зги*. В такие вечера с завидной регулярностью на пороге появлялись заплутавшие путники, все как на подбор – красивые, крепкие мужчины да молодые парни. Старуха привечала их, усаживала за стол, ломившийся от яств. Всю ночь из избы доносились песни и смех, а девчонку отправляли спать в предбанник, настелив свежей соломы на полу. Глаша была и рада – там было тепло, а после праздничного застолья ей доставались объедки со стола, казавшиеся особенно вкусными.

Когда появлялся заезжий путник, сбившийся с большака* и бродивший в здешних лесах, старуха привечала* его. Всякий раз топила баньку, кормила досыта. Но по́ утру, проснувшись, Глаша никогда не заставляла путников. Видать они раненько, с первыми лучами солнца, отправлялись в путь. Бабка после этого становилась ласковой и как будто даже молодела. Она задумчиво улыбалась, поглядывая на подрастающую девочку, хоть оскал ее можно было назвать улыбкой с большой натяжкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.